было бы выйти из такого положения, каким средством избегнуть и как наказать коварство вероломного императора. При этом он взвешивает, с одной стороны, свои силы, с другой – его хитрость; свою отвагу – и мощь противника: сравнивает своих рыцарей с богатствами императора, и видит в первом случае малочисленность, во втором - безмерность. Что делать? Сражаться? Но неприятель могуч. Явиться с мольбой? Но неприятель неумолим. Переплыть прямо? Но и тому препятствует бурное море. Видя, как предводители франков пойманы подарками, Боэмунд обойден хитростью, а он сам мучим собственным недоумением, Танкред уплубился в себя и говорил в своем сердце:

«О, преступление! Где теперь пайти верность? Куда девалась мудрость? О человеческое сердце! У одного оно вероломно, у другого безумно; один не имеет стыда, чтобы не делать зла, другой предусмотрительности, чтобы познать это зло. Боэмунд отправился за богатствами, обольщенный и увлеченный именем сына (так называл его в своем письме Алексей), чтобы броситься в объятия отда. Он шел дарствовать, а нашел иго; он шел возвысить себя, а послужил к возвышению другого и унизился сам. Слишком малознакомый с обманом, он подпался обманчивым ласкам. Ему было приказано оставить армию и пойти с небольшой свитой, под предлогом облегчить его движение, избавив от массы. Но не было бы лучше силой изоблечить все эти хитрости? Одна такая решимость ниспровергла бы все ухищрения и открыла бы нам все дороги. Но Боэмунд отправился с небольшой свитой, как будто бы руки без оружия обеспечивают безоружную руку. Что сказать о предводителях Галлии, которые при своей многочисленности могли бы не только избавить себя от вассальной присяги, но даже сделаться властелинами всякого, кто обнаружил бы неповиновение? Я сострадаю и вместе стыжусь за людей, которые, однако, сами не имели ни стыда, ни сострадания к себе. Я уже теперь вижу, чем это кончится, когда они, истратив свои богатства, останутся при одном наказании, лишениях и раскаянии. Действительно, им придется раскаяться, когда они увидят себя вынужденными к неправде, подавленными необходимостью и без всякого утепісния. Тогда, говорю я, они раскаются; но какая польза в раскаянии, когда нечем будет заплатить пеню? И каким бы способом они это сделали? Разве можно не исполнить того, в чем раз клялся? Могут ли они опираться на право, когда добровольно отдали себя в руки другого? Продав себя, будут ли они оставаться свободными? Кто более раб: тот ли, кто сам себя продал, или тот, кого продали вследствие насилия разбойников? Справедливо будут наказаны те, которые, с беспечностью смотря на будущее, ограничиваются мыслью о пастоящем».

XII. Оплакав таким образом участь Боэмунда, козни Алексея и иго, которому подчинились князья Галлии, Танкред решается благоразумно не встречаться с первым, наказать второго и спасти последних. Вследствие того, прибыв к Константинополю, он не идет, как другие, представляться императору, не посылает впереди себя глашатая. не трубит в трубы, а уходит секретно. Сняв рыцарские одежды, он облекается в пехотища, чтобы грубая одежда, скрыв Тапкреда, обманула в то же время Алексея. Корабль, гребцы, северный ветер падувает парус; Европа позади пловцов и Азия представляется их жадным взорам. В это время потомок Гвискара поощряет мореходов, сидевших за веслами, и сам бьет веслом по лазурным волнам Геллеспонта. Вскоре нос корабля ударяется о берепдавно желанный, и быстрота переезда совпадает с пламенными желаниями странников. Тогда сын маркиза, будучи в полной безопасности, принимает свое настоящее имя и одежду; так как другие вожди изготовлялись в дорогу к Пикее, то и он присоединился к ним для этого странствования.

Между тем Боэмунд не покинул еще берегов Фракии. Он оставался там по настоянию Раймунда Тулузского, а последнему было необходимо продолжить свое пребывание в Константинополе, потому что он пришел поздно, и император желал обязать его теми же условиями, которыми он сковал его предшественников. Но граф предпочитал умереть, нежели согласиться на то; вот почему присутствие Боэмунда было ему необходимо, чтобы выйти из этого затруд-